Цветы абсолютного зла

Автор:
Анна Данилова

Цветы абсолютного зла

Анна Данилова

Детектив Юлия Земцова #11

Ее нашли в парке ранним утром. Она была мертва и лежала на снегу – юная, красивая, точно цветок, сорванный и безжалостно брошенный кем-то… Хоронили Олю – ученицу выпускного класса – всей школой. На чьей совести убийство девочки – предстоит узнать владелице частного сыскного агентства Юлии Земцовой и ее сотрудникам, которых наняла соседка Оли… Однако никакого материала по этому делу добыть не удавалось. Лишь одни подозрения… Девушка имела много любовников, каждый из которых автоматически мог подозреваться в совершении преступления… Неужели кого-то из них она довела до того, что мужчина решился лишить Олю жизни? Или нужно забыть о любовных отношениях и обратиться к совершенно иной сфере?..

Анна Данилова

Цветы абсолютного зла

Глава 1

Юля Земцова разбирала елку, когда раздался телефонный звонок. На полу высились коробки с елочными украшениями, под ногами кудрявился серпантин, весь ковер был усыпан разноцветным конфетти. Маленькая Маша, забравшись на диван, разворачивала хрустящую обертку большой шоколадки и сосредоточенно смотрела куда-то в сторону, как если бы ждала кого-то…

Звонила Женя Жукова, молоденькая помощница Игоря Шубина из частного сыскного агентства, хозяйкой которого вот уже два года являлась Земцова.

– Ну как, разобрали?

– Нет еще… Мы с Машкой не торопимся… Но к весне, думаю, управимся… – с улыбкой глядя на дочь, ответила Юля, внезапно почувствовав, как волна страшного, холодного одиночества накатывает на нее, как это стало происходить с ней все чаще и чаще.

Крымов, ее муж, давно улетел за границу, у него важная работа. Мама, Маргарита Сергеевна, несколько дней тому назад уехала в Москву – у нее там тоже оказались дела. Юля же решила остаться пока в Саратове и почти неделю жила в загородном доме с Машей и няней Катей, считая в душе, что она живет одна. Машка не в счет, она – как бы ее часть, продолжение. Няня – тем более. Ей не хотелось возвращаться в просторную парижскую квартиру, наполненную неприятными для нее воспоминаниями… Крымова все равно постоянно не бывало дома, зато в ее женской жизни стали появляться какие-то мужчины, мимолетные связи, романы… Ей нравилась эстетика этих романов (зеленые парижские улочки и площади, кинотеатры, загородные прогулки, заканчивающиеся в какой-нибудь придорожной гостинице ужином, состоящим из жареной рыбы и сыра), но не нравилась она сама в роли тоскующей по мужу и склонной к эротическим приключениям женщины. Здесь, в тихом и большом теплом доме, где за огромными окнами свирепствовал холодный февральский ветер и видно было, как раскачиваются под его порывами сосны и ели, она чувствовала себя более настоящей, чистой.

Игорь Шубин теперь жил вместе с Женей Жуковой, и они выглядели вполне счастливой парой. Вместе работали, вместе приезжали проведать Юлю с Машей, вместе пытались распутывать сложные дела, которые, как по накатанной, велись параллельно официальному расследованию органами прокуратуры. Довольно часто приезжал к Юле и Виктор Львович Корнилов – старший следователь прокуратуры по особо важным делам, вместе с которым они и

работали на определенных, выгодных для обеих сторон, условиях. Приезжала посмотреть на дочку Земцовой и Нора – работник НИЛСЭ[1 - Научно-исследовательская лаборатория судебных экспертиз.], тихая, умная, но совершенно не эмоциональная, сдержанная во всех отношениях женщина, отлично разбирающаяся в своем ремесле и умеющая держать язык за зубами. Привозил Шубин сюда и Лешу Чайкина (талантливого судмедэксперта, их общего друга, обаятельного и добродушного разгильдяя и выпивоху, тщетно пытавшегося бросить пить), без помощи которого они не смогли бы расследовать ни одно из порученных им криминальных дел.

– У нас тут дело… Странное…

– Да я так и думала, что ты звонишь мне не просто так… И что там за дело?

– Девушку одну убили… Олю… Но это не телефонный разговор…

– Кто клиент? Родители?

– Если бы… У нее родители – пьющие… Пришла женщина, казалось бы, не имеющая к этой девочке вообще никакого отношения… Она вдова, с деньгами…

– И что же? Кем она приходится этой Оле? Маша… ты же вся в шоколаде… Господи, что за ребенок… Дай спокойно поговорить по телефону… Катя! Катя, бросайте все на кухне и идите сюда… Маша сейчас перепачкает всю диванную обивку… Я слушаю тебя, Женя.

– Она просто соседка. Одинокая женщина. Говорит, что в себя не может прийти после смерти Оли.

– Кто с ней разговаривал?

– Я… – чувствовалось, что Женя явно смутилась. – Игоря не было… Он поехал в банк… Он же хочет кредит брать на покупку квартиры…

– Да-да, я поняла… И что же?

– Что… – вздохнула Женя тяжко, по-детски обреченно. – Она мне почти ничего не рассказала. Так… в общих чертах… мол, нашли девочку – она училась в одиннадцатом классе – в парке, с пробитой головой… Убийство…

– Дело завели?

– Да. Она хочет с тобой поговорить. Видно, ей кто-то про тебя рассказал.

– Понятно. Не расстраивайся… Со мной на первых порах тоже никто не хотел разговаривать, все требовали только Крымова. Время должно пройти…

– Да я понимаю… Так ты приедешь?

– Конечно.

– Тогда позвони ей, скажи, что едешь… Думаю, она еще не успела вернуться домой… Запиши номер…

– Как ее зовут?

– Людмила Камелина.

Юля положила трубку. Рядом с ней уже стояла в нетерпении бьющая босой ногой о ковер молоденькая няня Катя (русская эмигрантка в третьем поколении, которую Юля привезла с собой из Парижа) – гибкая, похожая на балерину девушка с маленьким аккуратным носиком и круглой головой, которую украшала шапка черных блестящих волос с ровной, словно нарисованной челкой. Внимательные синие глаза то и дело посматривали на притихшую на диване Машу.

– Вы езжайте, я останусь… Двери все запру… Не переживайте… Машу покормлю, спать уложу… Если кто позвонит – запишу… Елку дальше разбирать?

– Нет, давай еще подождем такую красоту убирать… Пусть все останется в таком вот живописном беспорядке… пусть блестит, сверкает… пусть останется немного праздника…

Она поцеловала Машу и отправилась к себе – одеваться. Спустя четверть часа ее машина выехала из ворот и покатила в сторону леса, за которым начиналась трасса, ведущая в город. Катя, закутанная по самые брови в полушубок, закрыла ворота и вернулась в дом.

Из машины Юля позвонила Камелиной. Услышала тихий спокойный голос, сказала, что едет в агентство.

Когда она приехала и вошла в приемную, посетительница уже ждала ее. В шубке, тоненькая, неопределенного возраста, с бледным лицом и большими черными глазами. Красивая хрупкая женщина брюлловского типа.

– Женечка, принеси нам, пожалуйста, кофе…

Камелина не знала, что за этой фразой кроется и другая: подключись и слушай внимательно, не забудь записать весь разговор на пленку… Работать-то все равно придется всем троим, да и Шубину надо будет дать послушать.

– Как к вам обращаться?

– Людмила… Зовите меня Людмилой.

– Что случилось? Что привело вас ко мне? – Юля намеренно подчеркнула приватность, чуть ли не интимность беседы, именно то, ради чего Камелина и вернулась в агентство. Видимо, не такое простое это было дело…

– Вы слышали об убийстве одной девочки… Оли Неустроевой?

– Нет, признаться, не слышала…

– Ну, правильно… Сейчас много убийств совершается… Общество на это уже перестало обращать внимание… – Камелина горько усмехнулась. – В прошлом году убили моего мужа. Он возвращался поздно вечером из гаража… Ему размозжили голову камнем, ограбили и… все… Я знаете, как раньше думала…

Вошла Женя с подносом.

– Вам кофе с молоком?

Камелина отказалась – вяло отмахнулась бледной тонкой рукой. Потом, вдруг спохватившись, что до сих пор в шубе, встала, скинула ее, положила на диван рядом, вернулась в кресло, вздохнула и взяла обеими руками чашечку с кофе. Плотно обхватила ее ладонями, словно согреваясь. Женя вышла, тихо притворив за собой дверь. В кабинете запахло кофе и сигаретой – Камелина закурила. Непонятно откуда возник блестящий портсигар, зажигалка.

– Я раньше думала, что когда умирает хороший человек, то жизнь вокруг сразу останавливается… замирает… Что встает транспорт, люди с ужасом смотрят в глаза друг друга, чтобы понять, как же так могло случиться, что этого человека больше нет! Его нет! – Глаза ее наполнились слезами. – Но на самом деле все не так… да… Из-за денег, золотых часов и прочей чепухи убили человека, доброго, нежного… Я без него совсем потерялась…

– Это убийство как-то связано с убийством этой девочки?

– Нет, что вы! – замахала руками Людмила. – Извините… Просто я хотела, чтобы вы поняли, почему сюда пришла именно я, поскольку я для Оли – никто… Мы живем на одной лестничной площадке… Мы занимали с мужем две квартиры, вы понимаете… Это хорошее место, рядом с парком… Удивительно, как эта семья оказалась в нашем доме… Хотя, скорее всего, у них был свой дом, какой-нибудь курятник рядом с парком, и вот при выселении им дали эту двухкомнатную квартиру… Жильцы были страшно недовольны таким соседством, и тогда отец Оли, Виталий, пригрозил всем нам, что спалит дом, если мы будем жаловаться на него… У него не все в порядке с головой, он законченный алкоголик, мозгов нет, вместо них – одно зло…

– Оля – из семьи алкоголика?

– Алкоголиков, – поправила ее Камелина. – Мать тоже пьет. Они страшно пьют. Мать можно было видеть лежащую в непотребном виде прямо на лестнице… наша консьержка не раз затаскивала ее домой…

– Вы говорите, Олю убили. Кто она? Сколько ей лет?

– Семнадцать. Благословенный возраст. Она была красивая девочка. Училась в одиннадцатом классе в школе, неподалеку от парка… Ее и нашли в парке… Ее убили ударом по голове. Убили, понимаете? Но это ведь не ограбление… Она была совсем нищая… Она так страдала от этого… Такой возраст, девочке одеваться нужно, а она… Чтобы ей как-то помочь, я приглашала ее к себе окна мыть, знала, чувствовала, что она девочка честная, чужого не возьмет… Но это было редко. Вообще-то я не люблю, когда в доме кто-то посторонний…

– Вы хотите найти убийцу Оли?

– Да.

– Но почему вы?

– Я думала, вы поймете… Вокруг ходит зло. Убийц моего Миши не нашли, наверно, и не искали. Зло должно быть наказано.

– Почему же вы не пришли сюда в прошлом году?

– Я попала в больницу…

Юля видела перед собой совершенно убитую горем женщину, с трудом нашедшую в себе силы прийти сюда. Видимо, после смерти мужа она заболела всерьез, долго пролежала в больнице…

– Так, может, вам не стоит заниматься делом Оли? Вам надо бы подумать о себе…

– Вот так все говорят… Но я верю, каждый из нас в душе – человек добрый, совестливый. И вам тоже жалко эту девочку, хотя вы ее не знали… Разве я не права?

– Да, конечно…

– Вот я и подумала, раз у меня не получилось вовремя, что называется, по свежим следам, найти убийц Миши, то, может, я смогу что-то сделать для Оли, даже если она уже никогда и не узнает об этом… К тому же я понимаю, что

убийц моего мужа найти было, скорее всего, невозможно уже потому, что это ограбление… Просто какие-то отморозки, пьяные или обкуренные, шли мимо гаражей, увидели Мишу, взяли камень, ударили его по голове, все отобрали и убежали. Какие-нибудь бродяги… А вот с Олей… мне кажется, что ее смерть не случайна и тот, кто ее убил, сделал это по какой-то причине… У него был мотив, понимаете? Но какой? Раз ее не ограбили, значит, убили за что-то… Думаю, убийцу легко вычислить из ее окружения…

– Из ее окружения? Вы так легко говорите об этом, словно что-то знаете…

– Нет, я не знаю ровным счетом ничего. Ничего. Не знаю никого из ее подруг, потому что к ней, сами понимаете, никто не приходил… Про школу тоже ничего не знаю…

– Но хотя бы что-то вы можете о ней рассказать? Какая она была, чем жила…

– Оля? Как я уже сказала, она была очень красива. Но это была не женская красота, а почти детская… Она еще до конца не сформировалась, но обещала быть настоящей красавицей… Светлые длинные волосы, карие глаза, нежный румянец… Худенькая, но не тощая, понимаете? Конечно, она пыталась изображать из себя взрослую, носила все яркое, броское, женское… Она словно бы перешагнула прямо из детства во взрослую жизнь, а вот щенячьи ужимки, особенно смех… еще выдавали в ней девочку-подростка… Грудь у нее была маленькая, неразвитая, но ноги длинные, стройные… Через пару лет она бы сформировалась…

– У нее был парень?

– Не знаю… Но где-то же она пропадала вечерами, чем-то занималась… Она была довольно замкнутая, и это при том, что умела так заразительно смеяться… В ней словно уживались две Оли: одна – та, что жила рядом со мной в семье алкоголиков, другая – та, которая находилась внутри ее, Оля, сотканная из светлых снов и солнечного света…

– У вас есть дети?

– Нет… Бог не дал… А я так мечтала о девочке…

Юля чуть было не сказала: вот бы и взяли ее под свое крыло, помогли ей, поставили на ноги…

– Ой, я знаю, о чем вы сейчас подумали… Вот, мол, и забрала бы ее к себе, помогла чем… Все правильно. Но она была из другого мира, во-первых, а во-вторых, я не уверена, что нашла бы в себе силы принять в ней участие. У меня нервная болезнь, я бы не смогла стать для нее опорой… Очень жалею, что мало помогала деньгами. Но я не знала, как предложить. Она же не могла у меня каждый месяц мыть окна… Да, все это глупо… глупо то, что я сейчас говорю, и я очень сожалею, что не взяла ее к себе, быть может, поэтому я сейчас здесь, у вас… У меня есть деньги, и я хотела бы поручить вам найти убийцу Оли.

– У вас есть ее фотография?

– Да, конечно. Я, можно сказать, выкрала ее из их квартиры в тот самый день, когда Олю принесли домой…

– Как это… принесли?

– Ее же нашли в парке, неподалеку от нашего дома… Вокруг нее столпился народ, дело было утром, многие шли через парк на автобус… Видимо, кто-то ее узнал, и, вместо того чтобы вызвать милицию, побежали к ним домой, разбудили родителей; отец, с тяжкого похмелья, прибежал, увидел дочь и на руках принес домой… У нас к тому времени уже многие узнали о случившемся. Думаю, консьержка рассказала… Это же целое событие…

– Он не должен был делать этого… Место преступления…

– Сейчас говорить об этом поздно… Там все затоптано… Но мне удалось кое-что взять… Именно эта находка и подтолкнула меня к действию, и поэтому я здесь…

– Вы что-то нашли? Где? Вы тоже были в парке в то утро?

– Нет, я была дома. Но я услышала шум на лестнице, выглянула и увидела, как Виталий несет Олю… Вокруг еще какие-то люди были, кто-то из женщин рыдал…

– Должно быть, ее мать?

– Нет, она еще спала… Ее долго не могли добудиться… Я тоже зашла вместе с остальными соседями к ним в квартиру… Я раньше там никогда не была… Это ужасно… Такая грязь… вонь… бутылки, ведро, до краев заполненное какими-то медицинскими пузырьками, видимо, из-под спиртовых настоек… Не знаю, как Оля вообще могла жить в такой среде и хотя бы внешне оставаться чистой…

– Потом все же кто-нибудь догадался вызвать милицию?

– Да… Но я не знаю, кто… Не я… Я смотрела на Олю, лежащую на кровати, мертвую, и словно бы оглохла… На ней была куртка с капюшоном… красная, с меховой опушкой… Юбка ниже колен, черная, на ногах черные колготки и теплые замшевые ботинки на каблуках… Когда мать растолкали, она бросилась к дочери, видимо, решила, что та еще живая… Крови мало было, только на затылке… Стала стаскивать с нее куртку… Кричала, чтобы Оле сделали искусственное дыхание… Но она уже окоченела… Матери все же удалось снять с нее куртку…

Юля слушала со смешанным чувством: ей было непонятно, здорова ли психически сидящая перед ней женщина или нет. А что, если она вообще все придумала? Потому что казалось неестественным, что люди, обнаружившие в парке труп девушки, не вызвали милицию сразу, а позволили отцу унести тело домой. Но обо всем этом она в подробностях узнает от Корнилова – и только при условии, что Оля действительно существовала, а история с убийством – не рассказ сошедшей с ума женщины. И что далась ей эта куртка?

– Куртку бросили на пол… Потом кто-то переложил ее на стол, она лежала совсем рядом со мной… Я не могла уйти, хотя понимала, что мне нельзя оставаться там, потому что мне может стать плохо… но все равно не уходила… Я смотрела на куртку и думала о том, что больше она уже никому не пригодится… Что мамаша, когда очнется после похорон и пьянок, продаст ее за бутылку, а куртка, надо сказать, неплохая, даже странно, как вообще такая куртка могла оказаться у девочки из такой, по сути, нищей семьи… Ведь отец калымил где-то на стройке, мать сторожила какой-то склад…

– Вы так долго рассказываете мне про куртку… – не вытерпела Юля и сделала глоток уже остывшего кофе. – Вы думаете, она ее украла?

– Нет, не то… – прошептала Камелина, и лицо ее заметно порозовело. – Не знаю, как это получилось, но я просунула руку в карман куртки… Трудно о таком говорить… Но мне хотелось прикоснуться к тайне жизни и смерти этой девочки… Мне хотелось узнать, что может быть – в принципе! – в кармане этой старшеклассницы?.. Помада ли? Автобусный билет? Смятая сигарета – Оля покуривала, я часто видела, как она курит в подъезде возле окна… Но я ошиблась… Вот!

И нервным, порывистым движением эта женщина вскочила и достала из кармана своей шубки смятый листок бумаги.

– Знаете, я бы меньше удивилась, если бы обнаружила у нее презерватив или… ампулу с наркотиком, шприц… даже к этому я была внутренне готова… Но это… Когда вы прочтете, вы поймете, что я не могла не прийти… Да и в милицию с этим тоже не могла бы обратиться по известным причинам… Как я объясню в прокуратуре, каким образом у меня оказался этот листок…

Это была половинка стандартного листа белой бумаги с какими-то бурыми пятнами в разных местах… И текст – компьютерный, очень мелкий, до рези в глазах… Земцова достала из ящика стола лупу, чтобы внимательно прочесть то, что так взбудоражило ее посетительницу. Зная, что их разговор пишется на пленку, и не уверенная в том, что Камелина, будучи человеком странноватым, не отберет этот клочок обратно, она, довольно четко проговаривая каждое слово, начала читать вслух. Но при первых же словах ей стало не по себе…

– «…Мы были бы Вам благодарны, если бы Вы, в связи с предположенными опытами для испытания нашего нового снотворного средства, отдали в наше распоряжение определенное количество женщин…»

Земцова взглянула на Камелину с выражением полного непонимания на лице.

– Каких еще женщин… «…Мы получили Ваш ответ. Цена 200 марок за одну женщину кажется нам, однако, высокой». Да что за бред! Так… – Она поймала глазами ускользающие строчки: – «…Мы предлагаем не свыше 170 марок за голову»… Людмила, может, вы мне что-нибудь объясните?

– Хм… Если бы я только могла… Вы читайте дальше… У вас сейчас волосы встанут дыбом…

– Ладно, поехали дальше… «…Если это для Вас приемлемо, мы возьмем женщин… Нам нужно приблизительно 150 женщин…» Ничего себе… «…Прошу приготовить 150 женщин, по возможности наиболее здоровых… Мы получили 150 присланных женщин… О ходе опытов мы будем Вас уведомлять…»

– А теперь последнюю строчку… – прошептала Камелина и вся напряглась, не спуская глаз с Земцовой. – Ну же, читайте…

– «…Опыты окончены. Все женщины…» – Юля замотала головой и отшвырнула от себя листок. – Не может быть… Все женщины умерли…

Камелина подняла листок и дочитала до конца:

– «…Вскоре мы снесемся с Вами относительно новой доставки».

– А что там… на обороте? – немного придя в себя, спросила Юля и с молчаливого согласия Камелиной вернула листок себе: – Бахметьевская, дом 125, квартира 6… Адрес. Вот это уже зацепка… Вот бы теперь узнать, чьей рукой он был записан… Ну и задачку вы мне задали…

– Вы же смотрите телевизор, читаете газеты, знаете, что происходит в стране, в мире… Люди пропадают… Возможно, существуют какие-то тайные организации, которые ставят опыты над живыми людьми… Но вот только почему они покупают женщин за марки, а не за евро?

Глава 2

Сергей Иванович Ивлентьев вот уже почти полгода жил в состоянии, похожем на сумасшествие. И это было чудо что за ощущение. Он в свои пятьдесят семь лет вдруг почувствовал в себе какие-то скрытые силы, о существовании которых даже и не подозревал. Он теперь легко шел по улице, размахивая своим учительским портфелем и наслаждаясь каждой, отпущенной ему жизнью минутой, не желая задумываться о последствиях своей новой и очень необычной жизни. Хотя внешне все выглядело, как всегда, буднично и серо. Школа с ее грязными, вонючими коридорами, какие-то идиотские плакаты на стенах,

холодные классы с застиранными шторами, напыщенные и разряженные в пух и прах женщины-преподаватели, обсуждающие в учительской друг дружку и демонстрирующие в присутствии своих коллег мужчин все, вплоть до нижнего белья… В середине сентября ему неслыханно повезло: его коллега, преподавательница русского языка и литературы, перешла работать в лицей. Ивлентьев, поделившись с другой коллегой нагрузкой, взял себе старший класс, в котором училась Оля. Он сообщил эту новость жене.

– Тебе хотя бы заплатят за это? – спросила она, усаживаясь напротив мужа. Их разделяла тарелка с горячими щами. – Сережа, ты чего молчишь?

– Да, конечно… Копейки…

Жена у него была хорошая – добрая, пухлая и рыхлая, как теплый свежий хлеб. Она мягко ступала по вытертым до марлевости коврам, неслышно возилась на кухне и так же неслышно дышала, когда они спали рядом в супружеской постели. Сергей Иванович уже давно перестал замечать ее присутствие в доме. Привык к ней, как к старой гладильной доске, о которой вспоминают лишь тогда, когда надобно погладить брюки… Возвращаясь домой из школы, где он мог часами наблюдать за жизнью раскованных и веселых старшеклассниц и желать их тайно, он испытывал непередаваемое чувство ущербности за тот образ жизни, который ему приходится вести ради того, чтобы в глазах своего окружения выглядеть скромным и ничем не выделяющимся человеком, лишенным каких-либо радостей жизни, словом, обыкновенным учителем литературы. Но литература-то говорила как раз об обратном – классические произведения были до краев наполнены красивыми женщинами, бурными страстями, иллюзией полнокровной, настоящей жизни. Сергей же Иванович уже давно перестал замечать вокруг себя даже природу, которой раньше любовался. Он медленно, но верно превращался из жизнелюбивого и веселого человека в механическую куклу, выполняющую одни и те же, запрограммированные своим мрачным создателем, действия. Каждый его день не отличался от предыдущего абсолютно ничем. Он просыпался рано утром, тормошил жену, затем вставал с постели и открывал форточку, чтобы впустить в душную крохотную спальню, забитую мебелью, хотя бы немного свежего воздуха. Затем направлялся в ванную комнату – принять душ и почистить зубы неизменной девятирублевой пастой «Жемчуг». Он готов был находиться там с закрытыми глазами, чтобы только не видеть каждый день эти выщербленные плитки пола и стен, эту ненавистную ему черно-белую клетчатую рябь, свидетельствующую о хронической нищете и заброшенности. Еще его тошнило от вида загрубевшей и

замызганной, грязной полиэтиленовой пленки (с едва проступающими на ней нарисованными розовыми и голубыми дельфинчиками), служившей супругам занавеской, отгораживающей ванну от остального пространства, обычно собранной в самом углу ванны, – источник заразы и плохого настроения… После душа – завтрак. Бутерброд с так полюбившимся жене немецким мясным паштетом, который заканчивался буквально через мгновение после того, как открывалась очередная баночка с изображенным гусем на крышке. Паштета было так мало, что Сергей Иванович всегда выходил из-за стола с чувством легкого голода и досады, что ему, наверное, так никогда и не удастся наесться вдоволь этой жирной немецкой вкусности. Бутерброд он запивал горячим растворимым кофе, отдающим жженым деревом. Жена покупала все продукты в крытом рынке, на оптовых рядах и ужасно гордилась тем, что умела экономить и даже откладывать на черный день по тридцать рублей в месяц. Она с важным видом каждый месяц заходила в сберкассу и вносила на их скудный супружеский счет эту мизерную сумму. Она работала в детском саду няней и получала там сущие гроши. Зато время от времени ей удавалось принести в дом литровую банку кипяченого молока или пакетик с оставшимся от обеда нарезанным хлебом. Руки ее всегда пахли хлоркой. Строгая заведующая, которую Сергей Иванович никогда не видел, следила за чистотой в детском саду и заставляла всех подчиненных постоянно драить стены и полы, лестницы и уборные дешевыми моющими средствами, содержащими хлор. Видимо, поэтому жена, целыми днями моющая все подряд на работе, не могла заниматься этим дома. Иногда, когда она засыпала поздно вечером, перемыв посуду после ужина и переделав еще великое множество незаметных глазу мелких, но необходимых дел, Сергей Иванович, глядя на ее розовые, распухшие от воды руки, ждал, что вот-вот появится на потрескавшейся и обезображенной коже белый налет хлорки…

Потом пешая прогулка до школы. Однообразные занятия, выматывающие силы и расшатывающие нервы. Ему с трудом удавалось добиваться дисциплины на уроках – старшеклассники вели себя на редкость грубо, неуважительно и давили на своего учителя, как на личность… Мизерная зарплата учителя не позволяла ему подняться в их глазах ни на миллиметр – своим интеллектом, уровнем развития и образования он был в состоянии лишь прокормить себя, не более, в то время как настоящие неучи из числа родителей его же учеников, успевшие урвать кусок пожирнее во времена всеобщей экономической неразберихи и смуты, привозили своих детей в школу на сверкающих джипах и «Мерседесах». Он был уверен: появись он на школьном дворе в дорогом авто и кожаном плаще до пят да с карманами, набитыми долларами, и с сигарой в зубах – вот тогда бы зауважали его ученики, глядишь, и литературу стали бы учить…

Он вообще не понимал, чем жили эти парни, его ученики, чего хотели, кроме денег. Особенно его раздражал некий Аш. Виктор Аш. Но, слава богу, он уже два года как окончил школу, а потому в последнее время Сергея Ивановича и доставать-то особо некому. Этот Аш был из состоятельной семьи. Явный лидер, он очень дерзко вел себя на занятиях не только Сергея Ивановича. Он мог курить на глазах преподавателя, слушать плеер, полностью отключившись от всех и вся, хамить и унижать любого, кто чем-то не угодил ему. Виктор Аш наводил ужас практически на всех преподавателей школы, и никто не понимал, почему богатые родители не переведут его в какой-нибудь престижный лицей или колледж. С другой стороны, его внешняя жизнь являла собой как бы многосерийный фильм из жизни современного подростка, за событиями которого следила вся школа. «Аш сказал, что изнасилует ту учительницу, которая поставит ему двойку»… Подобного рода шутки произносились в учительской уже в конце пребывания Аша в школе, в одиннадцатом классе, чуть ли не с улыбкой на лице. Особенно бурно обсуждали эту угрозу молоденькие учительницы, которые тайно восхищались красавчиком Ашем и в глубине души наверняка мечтали прокатиться с ним куда-нибудь на его роскошной красной машине. «Это не Аш звонил, предупреждал, что взорвет школу?», «На уроке биологии Аш сказал, что половину учеников нашей школы надо отправить за город и заставить пасти свиней…». С подобными высказываниями своего бывшего ученика Сергей Иванович сталкивался и прежде. Нередко на уроках литературы Виктор Аш рассуждал по поводу «засорения планеты», бросал с места реплики о целесообразности истребления генетически нездоровых людей и очищения нации. Ивлентьев не давал разгораться дискуссиям на подобные темы, не провоцировал класс на выяснение истинной причины таких высказываний и без того зарвавшегося Аша. Он даже не пытался узнать, какую именно нацию имеет в виду Аш, употребляя это слово. А однажды, войдя в кабинет, он стал свидетелем того, как Виктор, сидя на столе и обращаясь к классу, зачитывал статью об одном училище, где сложилась самая настоящая фашистская организация. «У нас есть группа учащихся, которые пропагандируют нацизм и даже делают себе татуировки в виде свастики…» Увидев входящего преподавателя, класс на какое-то мгновение замер, Аш, резко повернувшись, не спеша сложил и сунул газету в карман, после чего, не выдержав, все же добавил от себя, видимо, желая довести свою мысль до конца: «Да вы же ничего не знаете о фашистах…» Ивлентьев и в этом случае предпочел промолчать. Он боялся какого-то внутреннего срыва, боялся, что не выдержит и оскорбит ничего не смыслящего в жизни сопляка, посмевшего открыто пропагандировать в стенах школы фашизм. Он знал, что Аш в душе презирает труса-учителя, что смеется над его страхами, имевшими, между прочим, под собой вполне реальное основание (всем было известно, какие опасные дружки

водились у школьного лидера), но даже и не пытался ничего изменить в их отношениях. Тем более что Виктору было глубоко наплевать на мнение какого-то там учителя литературы… Но чувство глубокой неприязни к мальчишке осталось, и кто мог предположить, какие формы оно примет в скором будущем…

Школа, таким образом, постепенно вытравила из души Сергея Ивановича все то светлое, победное, преисполненное приятного чувства превосходства и даже немного власти, что, в сущности, и составляло его скромную учительскую радость. Да, безусловно, он с самого начала своей преподавательской карьеры стремился к тому, чтобы прилежно и аккуратно вкладывать в буйные детские головы все то, что знал сам. Но, прямо скажем, не больше и не меньше. Особенного творчества он в свои занятия никогда не вносил, не считал нужным и, главное, не чувствовал в этом потребности, как это случалось у его коллег по работе, людей, по-настоящему одержимых, увлеченных и преданных своему делу. Как педагог он был слабым и осознавал это. По всей вероятности, это происходило потому, что он и сам по большей части не верил во все то, в чем должен, даже обязан был убедить своих учеников, – в какие-то там идеалы, дутые идеи, правила поведения… Часто он бунтовал внутри себя и гордился этим, но все эти бури бушевали глубоко в душе и были совершенно незаметны для окружающих – Сергей Иванович Ивлентьев не считал возможным выразить любой свой протест даже одним-единственным словом! Ну не верил он, что найдет среди окружающих его людей единомышленников, с кем можно будет и в дальнейшем делиться своими истинными мыслями и принципами. А потому жил сам в себе, изредка позволяя высказываться лишь в присутствии вечно задумчивой, апатичной, но на редкость вежливой и внешне очень чуткой супруги. «Да что ты говоришь?! Ну надо же?» или «Да-да, я тоже так считаю…». Он, собственно, и не ждал от нее ничего большего.

…После школы Сергей Иванович так же пешком возвращался домой. Заходил в гастроном, где покупал хлеб или то необходимое, что наказывала ему утром жена. В магазине, куда он ходил уже несколько лет, в кондитерском отделе работала очень милая хрупкая женщина с бледным лицом, но яркими, пунцовыми губами. Когда она, не спуская с него глаз, взвешивала ему жирный, тяжелый, в крупных изюминах, кекс, он представлял себе ее без одежды, с белыми, упругими на вид острыми грудями, и от этого сильно возбуждался. Сколько раз, когда вокруг них не было ни души, он пытался сделать ей хотя бы комплимент, но язык немел, словно от укола анестезии. Он чувствовал, что краснеет, но совладать со своей робостью не мог, не хватало уверенности в себе. Но главное, что сдерживало его, был страх перед тем, что его поймут именно так, как он хочет и не хочет одновременно, что эта милая кондитерша

поднимет его на смех, и тогда ему в этот гастроном, находившийся в таком удобном для него месте, хода уже не будет.

С мыслями об этой недосягаемой для него женщине он возвращался домой. Порнокассеты, которыми он утолял свой сексуальный голод и которые он прятал на полке за книгами, были подобраны таким образом, чтобы женщины на экране телевизора хотя бы немного напоминали ему сладкую и вожделенную кондитершу…

Успокоенный и обманутый чужими эротическими переживаниями, он тщательно запрятывал кассеты обратно за книги, включал телевизионные новости или другую, серьезную передачу и спокойно дожидался возвращения домой жены. Стараясь не смотреть ей в глаза, он помогал ей приготовить ужин (мог почистить луковицу, нарезать хлеб), затем они практически молча ужинали и располагались на широком диване перед телевизором. Тихая, мирная, бездетная и наискучнейшая пара.

Уже в постели, перед самым сном, он задавал ей один и тот же бледный и ставший почти дежурным вопрос, на который, как правило, получал вежливый и немного извиняющийся отказ. С тем и засыпали…

Но однажды случилась беда. Сосед-ветеринар, Валентин, симпатичный мужчина, время от времени угощавший Сергея Ивановича наливкой собственного изготовления и довольно откровенно рассказывающий ему при встрече о своих похождениях налево, попросил у него посмотреть кассеты. «Сам знаешь, какие…» Сначала Сергей Иванович попытался было сказать ему, что у него таких кассет нет, что он женатый человек и все такое. Но сосед был настойчив. «Да знаю я все… чтобы у тебя да ничего не было? Такой здоровый мужик… Думаешь, я ничего не понимаю? Да я сам свою бабу не хочу. Не помню, когда был с ней…» И Сергей Иванович сдался, принес ему все три драгоценные кассеты. Договаривались на три дня, но все затянулось на месяцы… Валентин при встрече с соседом всегда извинялся, говорил, что дал кассеты приятелю («Видишь, я же не вру, каюсь, дал посмотреть Валерке, а он, гад, замылил»), и предлагал вместо тех другие, более забористые и жесткие. Сергей Иванович приносил их домой, просматривал, но удовольствие получал слабое, его даже тошнило при этом, а на душе становилось еще гаже, чем если бы он смотрел свои, родные, с «кондитершей».

В сентябре его бес попутал. Он, сам не понимая, что делает, содрал с заплеванной стенки лифтовой кабины клочок с телефоном «киски» и позвонил тотчас, едва войдя к себе в квартиру. Он знал, что дома никого нет.

Телефонная трубка ответила ему немного простуженным и, как ему показалось, детским голосом. «Сто рублей и у вас», – услышал он и почувствовал, как нижняя часть его туловища медленно наливается густой пьянящей кровью… Он по голосу понял, что говорит с несовершеннолетней. Об этом он даже и не мечтал. Понял он еще и то, что она, по-видимому, живет не одна, поэтому он сам должен придумать, куда ее привести. Его воображение почему-то тотчас нарисовало ему пышные кусты акации около тира, что позади городского парка. Это было очень тихое (не считая звуков выстрелов) и безопасное место. «Через полчаса на мостике в парке, что перед аттракционами. В руках у меня будет коричневый пиджак». Дрожащими руками он сдернул с вешалки толстый старый твидовый пиджак и почти выбежал из дома…

Вот с того самого дня жизнь его и изменилась. Он стал жить быстрее, какая-то ненасытность и жадность появились в его желаниях, он чувствовал, как сладостно-мучительно летит в страшную, бездонную пропасть, где ему суждено пропасть, сгинуть, но и остановиться уже не мог…

Девочку звали Оля. Увидев его на мосту, она улыбнулась, словно приободряя его. Такая маленькая, а словно бы взялась его поддержать в таком деле. Он, боясь к ней прикоснуться и даже взять за руку (его могли увидеть ученики его школы, просто знакомые), сухо сказал, чтобы она следовала за ним. Она согласилась и пошла. Они прошли городок аттракционов, где играла музыка, визжали дети, где все вертелось и кружилось, сверкало яркими огнями и словно напоминало о том, что люди рождены для вечного праздника… Потом свернули на узкую тропинку, вившуюся между древними дубами, вышли на берег заросшего пруда, затем углубились в заросли акации. Там, в полной тишине, Сергей Иванович, не глядя на свою юную спутницу, расстелил на траве под кустом пиджак…

Все произошло очень быстро. Девочка, получив сто рублей, кивнула, как если бы она только что продала букетик цветов. Он спросил, встретятся ли они еще, и она снова кивнула. Он шел теперь сзади нее, не веря своему счастью… Он был благодарен соседу ветеринару за то, что его приятель замылил кассеты… Кондитерша, наконец, оставила его навсегда. Теперь у него была Оля. С молочной-белой тонкой кожей, горячими, чуть подрагивающими от прикосновений, острыми коленками и влажным омутом между ног, способным

утолить любую жажду… Ему бы не хватило всей жизни, чтобы описать то немыслимое наслаждение, которое она была способна дать пусть даже и за деньги… Теперь он встречался с ней все чаще и чаще, тратя на нее все свои деньги… Где бы он ни был, перед ним постоянно стояла, вернее лежала, Оля. Весь мир теперь раскачивался перед ним в определенном ритме полового акта, который он совершал беспрестанно, словно наверстывая упущенное… Главной же целью, помимо самой встречи с девочкой, было найти сто рублей. Найти во что бы то ни стало. Непременно. Он начал снимать деньги даже с общего супружеского банковского счета… Обратного хода все равно не было…

В середине сентября он, чтобы чаще видеть ее, взял себе еще несколько часов нагрузки, чтобы преподавать литературу в Олином классе. В школе она вела себя очень тихо и скромно. Училась неплохо, отличалась хорошей памятью, хотя и была немного рассеянной. Тогда же он узнал, что родители ее – пьющие, что девочка из неблагополучной семьи, а потому если сама не поступит в институт, то и помочь-то ей будет некому.

В конце сентября Сергей Иванович устроился ночным сторожем в маленькую теплицу, расположенную в конце все того же городского парка и построенную непонятно для кого и чего. Там, вдоль застекленного и ярко освещенного пространства, стояло всего несколько горшков с бегониями и фиалками, за которыми днем присматривали какие-то студентки. Ночью же Сергей Иванович встречался в комнатке для сторожей с Олей. Она жила, к его удивлению, в престижном доме рядом с парком. Он встречал и провожал ее, говорил ей о своей любви и бывал почти всегда раздосадован, если не слышал в ответ ни звука. Почти все деньги, заработанные в теплице, он отдавал Оле… «Мне надо три тысячи», – сказала она однажды. «Зачем тебе так много?» – «Если не найдешь, мы с тобой больше не увидимся…» – ответила она, тряхнула длинными светлыми волосами и, даже не взглянув на него, быстро пошла прочь. Вскоре ее фигурка скрылась за гигантскими дубами парка…

Глава 3

– Не представляю, о каких опытах может идти речь…

Игорь Шубин вместе с Земцовой поджидали в агентстве приезда Корнилова. Женя Жукова отправилась на Бахметьевскую улицу, выяснить, какое отношение имеет написанный на листке бумаги адрес к личности убитой Оли Неустроевой. Как Юля и предполагала, визит Камелиной не мог не произвести на Шубина впечатления, особенно его удивил текст на листке, обнаруженном в кармане куртки Неустроевой.

– Да уж… Все тут странно… И сама клиентка, которая почему-то решила найти убийцу соседки, как будто ей не на что больше деньги тратить…

– Игорь, не будь таким циником… По-моему, тут как раз все ясно. Женщина потеряла мужа, который был опорой ее жизни. Она много пережила, возможно, заработала себе нервную болезнь… Что ты пишешь?

– Как – что? Сходить в больницу, выяснить все о Камелиной. Может, у нее не все дома, а мы свяжемся…

– Что ж, неплохая идея…

– А разве тебе не кажется странным ее визит? И то, что она полезла в карман убитой соседки, чтобы посмотреть, что там?..

– Нет, ты плохо знаешь женщин… Любопытство, понимаешь? Она действительно хотела понять, чем жила эта девочка и почему в конечном итоге оказалась убитой.

– Ты бы тоже так сделала?

– Не заставляй меня краснеть… Уж кто-кто, а я точно бы так сделала. Хотя бы из профессионального интереса. Содержимое карманов или сумочки женщины – клондайк для сыщика, согласись…

– Ладно, соглашусь… Но мне кажется, что этого листка в кармане Неустроевой не было…

– Как это?

– А вот так. Или же он был, но текст не имеет никакого отношения ни к ней, ни к убийце… Неустроева могла взять этот листок где угодно, в той же библиотеке, к примеру… Кто-то, предположим, что-то изучал в библиотеке, искал научную медицинскую литературу, затем сделал распечатку, может, неудачно… Неустроева пришла в библиотеку по своим школьным делам, ей надо было записать адрес, под руку попался никому не нужный листок, лежащий на столе…

– Неустроева… в библиотеке? Что-то с трудом верится.

– Но я же к примеру.

– Я согласна с тобой…

Хлопнула дверь, и в приемную вошел тепло одетый Корнилов. Меховая куртка, которую Земцова на нем ни разу не видела, делала его моложе и явно ему шла.

– Приветствую! – Он с улыбкой пожал руку Шубину и поцеловал в щеку поднявшуюся ему навстречу Земцову. – Неустроева, значит… Неплохо-неплохо… Вот только непонятно, кто вас, таких небескорыстных, мог нанять. У нее же родители – алкаши.

– Тайна, – развел руками Шубин, при этом лукаво щурясь.

– Тайна, значит, за семью печатями. Ну и бог с ней, с тайной-то… И что вам известно об этом убийстве?

– Шутите, Виктор Львович. – Юля открыла холодильник и достала банку пива. – Хотите?

– За банку пива, значит, собираетесь раскрутить старика Корнилова на секретную информацию?

– А у нас и рыбка есть…

– Нет, шучу. Рыбку не буду. Руки потом вонять будут. Неустроеву нашли позавчера, второго февраля рано утром, следовательно, убили первого февраля,

вечером… Труп нашли в парке. Ей разбили голову, или она сама разбилась о каменный бордюр… Это вам Чайкин лучше расскажет…

– Ее изнасиловали?

– Нет. Но в крови обнаружен алкоголь… причем довольно много…

– Значит, результаты экспертизы уже есть?

– Что-то есть, а чего-то еще нет…

– Виктор Львович, какие-то проблемы? – Шубин закурил и предложил сигарету Корнилову. – Думаете, несчастный случай?

Они поняли друг друга без слов. Корнилов, понятное дело, не верил в благоприятный исход дела, не верил, что кто-то действительно будет искать убийцу дочери алкоголиков, в том числе он сам. Не тот уровень преступления… Не та громкость. Видимо, в прокуратуре был разговор о том, чтобы прекратить дело, но попозже, в свой срок, в соответствии с законом. И тут вдруг звонок из агентства. Появился шанс раскрыть дело чужими руками. Поэтому Корнилов так быстро приехал? И какое ему, в сущности, дело, кто нанял Земцову и Шубина? Главное, чтобы деньги заплатили и чтобы люди работали…

– Отец – кретин, тело дочери принес домой, представляете? Место преступления затоптано… Ни одной зацепки. Ничего.

– Поработаем… может, что и найдем… – сказала Земцова. – Опросим подружек, друзей, родителей…

– Опрашивали уже. Девчонка – пройдоха еще та. В семье вроде денег нет, а у нее только ботинки стоимостью пять тысяч… Это мне одна прокурорша сказала, у нее такие же…

– Она что, труп видела?

– Нет, она ко мне заглянула, а на ней такие же ботинки… точь-в-точь, как у Неустроевой. Красивые, я ей так и сказал, а она мне, мол, еще бы, пять тысяч

отвалила… В таком духе разговор был…

– Понятно… Но я одно могу сказать: это Неустроевой подарил кто-то… Вряд ли сама купила, даже если бы деньги были… – с ходу определила Земцова. – На пять тысяч она бы купила себе много чего… Явно подарили… Это понимать надо…

– Значит, любовник был. Вот его и надо искать, – кивнул Корнилов. – Но если он способен подарить ботинки за пять тысяч, то он явно не из бедных, и сейчас, когда на него началась охота, как на главного подозреваемого – а он не может этого не понимать, – он сделает все, чтобы мы его не нашли… И свидетелей подкупит…

– Каких еще свидетелей?

– Да тех же подружек ее, которые могли видеть его с ней. К тому же они где-то встречались… на какой-то квартире, в гостинице, там тоже могли быть свидетели…

– А она точно имела любовника? – спросила Земцова. – Вы же сами сказали, что ее не изнасиловали… Может, у нее вообще не было мужчин…

– Позвони Чайкину, он тебя просветит… – рассмеялся Корнилов.

– Что это вы все загадками говорите? – не выдержала Земцова.

– Да она вела активную жизнь, предохранялась, пила противозачаточные таблетки… Не дура, в общем.

– Понятно. Значит, надо искать любовника. Идти в школу, побеседовать с подружками, одноклассницами, с учителями…

– Ты еще скажи, к классному руководителю, – усмехнулся Шубин. – Да брось ты, Юля, никто тебе ничего толкового не расскажет. Думаю, в школе она была одна, а за пределами школы – совершенно другая… Обычное дело.

– Где тело? Еще в морге?

– Да. Можете поехать, взглянуть… Завтра ее уже заберут, а послезавтра – похороны.

– Сколько ей было?

– Семнадцать.

Юля вдруг почувствовала, что Корнилов чего-то не договаривает или просто не хочет делиться информацией, все намекает на Чайкина, словно сам не видел документов с результатами вскрытия. Она посмотрела на Шубина, и он, мельком взглянув на нее, тоже, кажется, все понял. Да, Корнилова, может, и не интересовало имя клиента, то есть человека, обратившегося в агентство, чтобы за деньги найти убийцу девочки, но такса-то была известна, а потому он ждал своих процентов. Камелина оставила Земцовой конверт с долларами. Шубин, прямо тут же отсчитав положенную Виктору Львовичу сумму, спрятал конверт снова в сейф.

– Ну что, поедем в морг? – тотчас оживился Корнилов. – Я уже выпил пива, так что поеду с вами… Потом кто-нибудь из моих ребят пригонит мою машину…

Чайкин встретил их бледной и совершенно трезвой, постной физиономией.

– Ба, Леша, это так на тебя не похоже, – подтрунил над ним Шубин, с трудом вдыхая тяжелый трупный дух, ударивший им в нос, едва они переступили порог морга. Он, как и Земцова с Корниловым, был вынужден прикрыть нос платком.

– У нас электричество отключали, – Чайкин развел руками. – Причем надолго. За какие-то там… – он поднял кверху указательный палец, – неуплаты… Проходите… Гостями будете.

– Так, может, ты потому такой, что тебя водка не берет, запах отрезвляет?! – не унимался Шубин.

Но Чайкин уже давно не обращал внимания на подобные шутки. Он действительно в очередной раз решил начать новую жизнь и бросить пить. Работа, которой он посвящал все свое время, ему, несмотря ни на что, нравилась. Вот только характер его стал заметно портиться – ему вдруг стало

казаться, что хороших людей на свете становится с каждым часом все меньше и меньше, и что он, Чайкин, пожалуй, один на всем белом свете об этом и задумывается, взвешивая целыми днями на специальных весах человеческие внутренности… Такая вселенская несправедливость постепенно превращала его в мрачного, отчаявшегося и какого-то неутешного пессимиста, что стало выражаться в его постоянно дурном настроении и желании сказать какую-нибудь гадость самым близким… По мнению Земцовой, у Чайкина просто разлагался мозг от того количества спиртного, что он вливал в себя на протяжении последних десяти лет. «Удивительно, как он сам еще не попал на свой же стол», – вырвалось как-то у нее, когда речь зашла о Леше, к которому прежде она питала исключительно теплые и благодарные чувства. Ее искренние переживания по поводу разрушающегося здоровья Чайкина постепенно сменились на раздражение, которое она с трудом скрывала, чтобы не испортить отношения с ним окончательно и не навредить тем самым их совместной работе. А потому все чаще и чаще высказывалась на эту тему лишь в присутствии придерживавшихся такого же мнения коллег – Шубина и Жени. Но, как бы то ни было, они все еще работали вместе, и вряд ли какой-либо человек в случае ухода Чайкина мог бы заменить этого талантливого и своего в доску судмедэксперта, готового ради общего дела даже преступить закон… Сколько в их практике было случаев, когда требовалось срочное проведение экспертизы и не было времени ждать официальных результатов работы профессионалов из НИЛСЭ, и Чайкину приходилось не только производить вскрытие трупа, но и самому, в своей собственной маленькой лаборатории, делать сложные анализы.

– Нет бы бомжем каким-нибудь заинтересоваться, – Чайкин распахнул дверь кабинета, приглашая всех войти, – ан нет, девочку им подавай семнадцатилетнюю… А какая девочка… Прелесть… От такой трудно оторваться… Однако кто-то все же ударил ее по головке, бедняжку… Скорее всего, камнем… в ране частицы земли, перегноя и еще, как ни странно, сырой дубовой коры… У Норы есть образцы почвы с места преступления, мы сравнивали… То есть с земли подняли камень и ударили… Но такое впечатление, словно ударили несколько раз… и даже головой по дереву… и били до тех пор, пока она не скончалась… Это не несчастный случай… А одна гематома находится чуть в стороне от смертельной раны, да и удар был нанесен на несколько часов раньше…

Тело Ольги Неустроевой было прикрыто простыней. Чайкин откинул ее, и перед посетителями предстало тонкое и длинное тело не сформировавшейся еще девушки. Лицо, со следами разложения, было обрамлено светлыми волосами. Несколько прядей, потемневших от крови, свисали со стола чуть ли не до пола.

Повернув голову девушки, Чайкин показал выбритый овал на затылке, в центре которого темнела рана с запекшейся кровью на тонкой коже черепа.

– В волосах я нашел частицы красного кирпича, как раз в том месте, где предположительно ей был нанесен первый удар… Словно ее первый раз ударили кирпичом по голове, но этот удар был не смертельный, и потому, возможно, чтобы она не кричала, ее ударили уже чем-то более тяжелым, скорее всего, камнем… Или все же били головой о дерево, поскольку в самой ране обнаружены микрочастицы древесной коры… – Леша явно повторялся и казался рассеянным, уставшим.

– Камня на месте преступления мы, кстати, не обнаружили… – сказал Корнилов и выругался: – Стадо баранов… и этот отец-кретин, который забрал домой тело дочери…

Юля даже отвернулась от него, чтобы не видеть выражение лица человека, старательно делавшего вид, что вот теперь-то он действительно заинтересован в этом деле и готов сделать все от него зависящее, чтобы только найти убийцу девочки. А ведь еще полчаса тому назад его лицо не выражало ничего, кроме чувства глубочайшего равнодушия к этому делу.

– Ее не изнасиловали?

Земцова задала этот вопрос, хотя заранее знала ответ. Ее настолько стало раздражать присутствие Корнилова, что она почти бессознательно вела себя так, словно его сейчас рядом и не было.

– Нет, ее не изнасиловали. Во всяком случае, в течение суток у нее не было половых контактов, я все тщательно обследовал, сделал анализы…

– Надеюсь, ты сделал все необходимое, взял все соскобы, мазки, прядь волос с головы и лобка, ты понимаешь, о чем я… Чтобы потом, когда надо будет делать сравнительный анализ, не поднимался вопрос об эксгумации…

– Нет, еще не сделал, но теперь непременно сделаю и передам Норе. Кстати, в крови вашей школьницы большое количество алкоголя. Водочку выпила незадолго до этого.

– Напоили и убили, – вздохнул Корнилов, и Земцова уже в который раз пожалела, что приехала к Чайкину с ним. Игорь Шубин молчал, смотрел на тело девушки и, видимо, думал о чем-то своем. – Ты исследовал содержимое ее желудка?

– Да, конечно… – Белесые брови Леши взлетели вверх от удивления. – Вы думаете, что по содержимому желудка есть вероятность выяснить причину, по которой ее ударили по голове?

– Виктор Львович прав, – вдруг подал голос молчавший до этого Игорь Шубин. – Если в желудке оказались устрицы, к примеру, а не жареная картошка на сале, то, вероятно, перед смертью она ужинала, возможно, со своим дружком-любовником в каком-нибудь ресторане…

– Действительно, ужинала она не картошкой и не дешевой свиной колбасой, как это можно было бы предположить, учитывая ее социальное положение, все-таки она была дочерью алкоголиков… Рисовая лапша, листья салата, чернослив, грецкие орехи… Нора подтвердила это по телефону…

– Значит, все-таки она провела вечер в ресторане или кафе. Ну что ж, это уже кое-что… Опросив ее знакомых, может, удастся выяснить личность ее любовника, адрес, привычки… Выйти на его друзей, которые помогут выяснить, какие рестораны и кафе он предпочитал. Затем покажу фотографию девушки в этих заведениях, может, ее кто и вспомнит, а заодно, с кем она была… А девушка действительно красивая, редкой красоты… Вы не заметили, что вся эта история полна контрастов…

– Например?

– Казалось бы, она из очень бедной семьи, а жила в престижном месте, в доме, где обитают весьма обеспеченные люди нашего города. Потом, ее одежда. Эти пресловутые ботинки стоимостью в несколько тысяч рублей – откуда они у нее? Думаю, если осмотреть ее гардероб, то мы найдем немало доказательств того, что изредка у нее все-таки водились деньги. Спрашивается, откуда?

– Мужчины давали, здесь даже и думать нечего, – ответила Земцова. – Ну не родители же одевали и обували дочку…

– Значит, задача номер один, – оживился Корнилов, – найти этих самых мужчин. Вот и действуйте, а мне пора… Леша, ты молодец…

– Виктор Львович, если не сложно, не могли бы вы узнать, в каком магазине ваша знакомая прокурорша покупала такие же ботинки, что и у Неустроевой? – попросил Шубин.

– Нет вопросов. Конечно, я узнаю и сам позвоню тебе. Да, вот еще что… Я принес вам фотографии… жертвы… живой и уже трупа… Вы работайте, а я вас прокормлю… – рассмеялся он на прощанье и пожал Шубину руку.

После его ухода все, казалось, с облегчением вздохнули.

– Какой-то он не такой, – заметил Чайкин, приглашая своих друзей зайти к нему в кабинет, чтобы уже спокойно, без посторонних побеседовать, а заодно и выпить по чашке кофе. – Тоже мне старший следователь прокуратуры, мать его… Что-то суетится в последнее время много, ко мне чаще стал заходить, вопросы какие-то дурацкие задавать… Тут парня убили, сынка одного из губернаторских прихвостней… Так он развил такую бурную деятельность…

– Может, ему повышение светит? А еще и наше дело вдруг да раскроется… Ему это будет очень кстати, – согласился с ним Шубин. – Да бог с ним, пусть суетится… Без него мы бы все равно много не наработали. Ведь когда ведешь дело параллельно с официальным расследованием – возможностей-то больше. Все равно в этом унизительном для нас тандеме больше плюсов, чем минусов. Но вся ситуация в целом раздражает, конечно. Приехал, в наглую потребовал свои проценты… Да еще этот тон… мол, действуйте, а мне пора… Куда пора? Домой, к жене?..

– Да ладно тебе, успокойся… Зато он фотографии принес, а это настоящий подарок. Леша, – Юля повернулась к Чайкину, насыпавшему кофе в турку, – вот скажи мне, на ее теле ты не обнаружил… следов пыток… Может, у нее где-то повреждена кожа или следы уколов…

– Нет, ничего такого. Девка здоровая была, и ничего такого на теле не обнаружил. А в чем дело?

– Еще ты сказал, что в крови нашел алкоголь… А снотворное?

– Ничего такого… Да в чем дело?

– Вот, почитай…

Она протянула Чайкину копию листка с компьютерным текстом. Алексей быстро прочитал и пожал плечами.

– Непонятно… «…Мы были бы Вам благодарны, если бы Вы, в связи с предположенными опытами для испытания нашего нового снотворного средства, отдали в наше распоряжение определенное количество женщин…» Вроде как над женщинами кто-то проводит опыты… Цены в марках… ничего себе… «Прошу приготовить 150 женщин, по возможности наиболее здоровых… Мы получили 150 присланных женщин… О ходе опытов мы будем Вас уведомлять…» Опыты. Какие еще опыты? Думаете, она что-то знала?

– Понятия не имеем…

– «Все женщины умерли…» Да это вообще уже из другой оперы…

– В смысле?

– Вы где нашли этот листок?

– В кармане куртки убитой.

– А как она у вас оказалась? Ее доставили сюда без куртки…

– Это длинная история. Так случилось, что даже Корнилов об этом ничего не знает. Главное, что этот листок оказался у нас. Нам принесла его клиентка, которая сама, по собственной воле, решила оплатить все расходы, связанные с расследованием этого убийства.

– Интересное дельце, – присвистнул Чайкин. – Попахивает чем-то очень серьезным и опасным… Хотя, с другой стороны, этот листок может не иметь к этой девице вообще никакого отношения…

– Да мы тоже об этом думали. Там еще адрес… с другой стороны листка… Сейчас Женя занимается этим вопросом. Пытается выяснить, кто проживает по этому адресу и какое отношение убитая имела к этим жильцам… Корнилов сказал, что девушка вела бурную половую жизнь.

– Да, это так. Если хочешь, я дам тебе почитать на компьютере мое заключение… Тебе кофе с сахаром?

Глава 4

Сергей Иванович и подумать не мог, что когда-нибудь он пойдет на такое. Но обстоятельства складывались таким образом, что без денег его жизнь бы закончилась. Без Оли он уже не представлял себе существования. Он понимал, что действует безрассудно и что когда-нибудь ему все равно придется отвечать за свои поступки, но пока была возможность беспрепятственно заполнять крохотные бумажные квадратики – банковские квитанции, чтобы потом волшебным образом ему из окошка выдавали какие-то деньги, он делал это и не мог остановиться.

О том, что у его жены оказалась еще одна сберегательная книжка, на которой лежало более десяти тысяч (!), он узнал совершенно случайно, когда искал в документах свидетельство о своем рождении. Понятное дело, что в отличие от той, другой сберкнижки, с которой он по доверенности мог спокойно снимать деньги, с этой он за неимением доверенности не имел права снять ни рубля. Но сам факт того, что у его жены имелась тайна, деньги, которые она хранила в банке, и, следовательно, где-то подрабатывала на стороне, давало ему, как он считал, моральное право опустошать их общий, пятитысячный вклад. Сначала он снимал по пятьсот рублей и ждал каждый раз, что это откроется. Но жена словно ничего не замечала, а может, просто не была в сберкассе и не совершала никаких банковских операций. Он ждал, что в один прекрасный день она, спокойно войдя в квартиру, со свойственной ей сдержанностью спросит, зачем ему понадобились деньги, да еще и в таком количестве, и, главное, почему он ничего не сказал ей? И он был готов к этому разговору: «А откуда у тебя, дорогая, в банке целых десять тысяч?» Лучший способ защиты – нападение… Вот он и нападет, он вынудит ее защищаться, оправдываться… Ему было абсолютно все равно, что она ему скажет. Эти десять тысяч, неизвестным

образом заработанные женой и положенные на книжку еще весной, в апреле (вклад больше не пополнялся, на странице была одна-единственная запись), он держал в качестве козыря в предстоящем тяжелом разговоре с женой. Он уже знал, что ответит: что болен, что ему потребовались деньги на лекарства и что он не мог признаться ей в том, что серьезно заболел… Вот только чем? У него аллергия… Он остановил свой выбор именно на этой болезни, потому что аллергия может проявляться у человека время от времени, и окружающие могут ничего не заметить… Он скажет ей, что задыхался, что он вообще думал, будто у него астма… Но это, слава богу, аллергия, которая излечивается, но только с помощью дорогостоящих аппаратов. Если жена заинтересуется, кто его лечит и выписывает рецепты, он скажет, что лечится в частной клинике… Вряд ли она станет его проверять. Что ей, больше делать нечего?

Но все чаще и чаще, вечерами, когда в комнаты заползали серо-синие, окрашенные в мрачные и какие-то тревожные тона сумерки, находясь в диком напряжении в ожидании возвращения жены с работы и представляя себе этот разговор о деньгах, об аллергии, он вдруг с отчаянием понимал всю ничтожность своих доводов, и ему становилось страшно, что его разоблачат. Что жена его по обыкновению молча, совершенно беззвучно примется собирать свои вещи и, ничего не объясняя, уйдет жить к какой-нибудь своей подруге, такой же дуре, как и она, способной лишь мыть горшки и тарелки в детском саду да замывать грязные колготки детей ясельной группы… Обрадуется ли он своей свободе? Или поймет, что не в состоянии жить один, без постоянной женской заботы? А кто в таком случае будет убирать квартиру, готовить еду, стирать? Уж не красавица ли Оленька? Да, у него отпадет необходимость прятаться в тепличной сторожке, и Оля сможет приходить к нему прямо сюда, в квартиру, но станет ли она это делать и как долго продлятся их отношения?

Это первые две встречи она брала с него за пять минут удовольствия по сто, затем по сто пятьдесят рублей. Затем потребовала триста, о чем и сказала по телефону. У него были деньги, и он снова повел ее в парк. Все происходило очень быстро, и он, с одной стороны, стыдился этого, но с другой – понимал, что это устраивает обоих. Его – потому что он совершал свой акт прямо на земле, подстелив под спину своей юной любовницы пиджак, ее – потому что она делала это исключительно ради денег и никогда не скрывала этого. Оля, как и жена, тоже мало говорила. Могла сказать: «Губу не кусай» или «Чтобы следов нигде не осталось…». Ему казалось, что она даже не смотрит на него, закрывает глаза или глядит куда-то в сторону, ожидая, чтобы все поскорее закончилось. Но это все равно не мешало ему сполна насладиться ее нежным телом, и он чувствовал себя счастливейшим из мужчин, что ему, пусть и на пять минут, принадлежит

такое красивое, словно бутон розы, белое тело… Хотя иногда на него накатывало, и он хотел впиться в эти молочные плечи ногтями или кусать, рвать эту теплую, пахнувшую духами и сладким потом плоть. Время от времени он вдруг отчетливо понимал, что жизнь его кончена, что он уже никогда не сможет жить прежней серой жизнью, что если Оля бросит его, то он все равно будет преследовать ее, ходить за ней по пятам, спать у нее на лестнице или под окнами, чтобы только ощущать, пусть даже и невидимое, ее присутствие рядом. Он был опьянен новым, открывшимся ему сильным чувством и готов был даже на преступление, лишь бы иметь возможность встречаться с ней. Сколько раз он видел себя обкрадывающим своих коллег по работе. И хотя еще ничего не совершилось и он еще не перешагнул эту грань в реальной жизни, в мыслях своих он уже раскрыл и опустошил множество сумочек и кошельков… Его колотило от сознания, что когда-нибудь ему все же придется сделать это… Но только позже, говорил он себе, устраиваясь в теплицу сторожем на тысячу рублей и понимая, что совершает еще одну глупость. Как он объяснит жене, где заработанные им в теплице деньги? Потерял? Но это сойдет ему с рук единожды, а что будет потом? Суп с котом. Он не знал, он ничего не знал и не хотел знать…

Как-то раз Оля пришла в теплицу в новой куртке, клетчатой юбке и красной блузке. На ногах – теплые замшевые ботинки. Все было новое, красивое. От нее немного пахло вином.

– Откуда у тебя такие красивые вещи?

– Мать купила, – отмахнулась она, прошла в крохотную комнатку и села на продавленный диван. Легла и закинула руки за голову. – Голова кружится.

– Мать не могла купить тебе такое… И отец тоже… Зачем ты врешь мне?

– А тебе не все равно, кто купил? И что ты вообще знаешь о моей жизни?

Она закрыла глаза, словно ленилась даже смотреть на него. Она лежала такая красивая, с разрумянившимися щеками, полураскрытым ртом, нежная, порочная, готовая отдаться ему по первому требованию, как если бы она была на приеме врача, которого нечего стыдиться.

– У тебя еще кто-то есть?

– Нет у меня никого. Отстань…

…Позже она мылась за шкафом, он слышал плеск воды и не мог не воспользоваться тем, что она занята и не видит его, чтобы не залезть в ее сумочку. Удивительное дело, но денег он там не нашел. Ни рубля. Только помаду, носовой платок, ключи, записку с каким-то адресом… Словом, ничего того, что свидетельствовало бы о том, что у нее появились деньги.

Она вышла из-за шкафа неожиданно и тихо. И сильно хлестнула его по голове мокрым полотенцем…

– Вот гад, роешься в моей сумке?!

Она была в ярости, набросилась на него и стала бить кулаками. Легкая, упругая, гибкая и злая, она извивалась на нем, стараясь попасть прямо по лицу, которое он пытался защитить руками.

– Да успокойся ты, ничего ведь не произошло…

– Это моя сумка, понял? Сумка моя, и жизнь тоже моя, и ты не смеешь прикасаться к ней своими грязными лапами… У меня же может быть что-то свое, свое, понимаешь ты или нет? Вы все грязные свиньи!

Он тогда перехватил ее руки и зажал в кольцо своих рук, сдавил ее так, что ей стало трудно дышать.

– Тебя кто-то обидел? Кто? Ты мне только скажи… Откуда у тебя эта новая одежда? Ты не могла ее купить на те деньги, что даю тебе я… Это вовсе и не деньги для такой девочки, как ты… Я понимаю это, я постараюсь придумать что-то, чтобы денег было больше…

– Почему ты думаешь, что у меня только ты? И вообще я тебя скоро брошу. У меня есть парень. Он молодой, сильный, красивый. Только у него еще чернее на душе, чем у тебя… Боюсь я его, а с тобой мне спокойно… Отпусти меня, я же задохнусь…

Он разжал руки, и она со стоном соскользнула на пол, замерла, подтянув колени к подбородку. Увидев на ее щеках слезы, он поднял ее на руки, усадил к себе на колени и принялся качать как ребенка.

– Если бы ты знал, сколько у него денег… – плакала она теперь уже откровенно, навзрыд, словно лишь это и было главным во всей этой душераздирающей сцене. – У него столько денег, что они не помещаются в его портмоне. У него не кошелек, как у моей матери, а портмоне, набитое тысячными купюрами. Он их даже не считает. А почему? Почему ему деньги достаются так легко, ему достаточно просто попросить у отца, а мне приходится спать с тобой, чтобы было на что сходить в ночной клуб, чтобы увидеться с ним…

Ивлентьев почувствовал, как голова у него наливается кровью, как щеки начинают набирать стыдную красноту, как пульсирует в висках, как слабеют колени. Вот так, наверное, и случается удар, подумал он. Услышать такое… Он и без того понимал, что у Оли есть другая жизнь, но старался не задумываться над этим, чтобы не терзаться всякий раз при мысли, что она предлагает себя другим мужчинам. Теперь же она сказала о конкретном парне, который тоже дает деньги, но только большие деньги… И что же ей приходится делать ему, чтобы заработать их?

– Ты любишь его? – спросил он вовсе не то, о чем хотел спросить.

– С ним нельзя, это опасно… Я не понимаю его… Он на даче собирается строить что-то вроде коровников…

– Не понял… Что такое ты говоришь? – Ивлентьев опешил. – Он что, фермер?

– Ты все равно не поймешь… Он отбирает людей, понимаешь? Он говорит, что в нашем обществе много дебилов, от которых надо избавляться. Он хочет что-то взорвать… Я боюсь его…

– Ты спишь с ним?

Сергей Иванович почувствовал, как вдоль позвоночника, змеясь, проползло отвратительное чувство гадливости и застарелого страха, как если бы внутри его вспомнилось нечто, что заставляло его при других обстоятельствах, много раньше этого дня, уже слышать об этом человеке, и этот человек вызывал у него

неприязнь. Он даже извлек из своей зрительной памяти неприятный ему образ и тотчас почувствовал прилив тошноты, как если бы он увидел этого человека реально. Образ долговязого светловолосого парня по фамилии Аш настиг его в самый неподходящий момент, когда он был наиболее уязвим, ранен откровенными признаниями своей маленькой пассии, так сильно изменившей его жизнь и теперь причинявшей ему больше страданий, чем наслаждения.

– Никто не спит… И хватит о нем. – Оля мотнула головой и фыркнула совсем по-детски, розовые губы ее нечаянно коснулись щеки ставшего ей ненужным престарелого любовника, и она отпрянула от него, как от заразного.

– Но он дает тебе деньги! – не унимался Ивлентьев, прогоняя наслаивавшиеся в его сознании порнографические картины из возможной общей жизни Оли и Аша.

– Я редко бываю с ним, только на даче… – уставшим голосом проговорила Оля, отмахиваясь от него. – Он пьяный и говорит разные глупости. Я смеюсь, а он – сумасшедший.

– Его зовут Виктор? Так, я угадал? Виктор Аш? – Он все-таки сказал это.

– Ты следишь за мной… – Она ладонью оттолкнула от себя его лицо, как если бы ей было неприятно, что он находится так близко от нее, и на лице ее появилось брезгливое выражение. – Да, это он.

Она достала платок, высморкалась. Вздохнула и сошла с его колен, села напротив, на стул.

– Он же фашист, – сказал Ивлентьев, глядя, как она надевает черные колготки, как вертит в руках, любуясь, новые замшевые ботинки. У нее был уже очень довольный, успокоенный вид маленькой женщины, вдруг снова осознавшей счастье обладания красивыми вещами и все внимание которой сосредотачивалось сейчас на своих стройных ногах, обутых в изящные ботинки.

– Да все понятно… – Она, не поднимая на него глаз, любовно провела своей ладонью по красной клетчатой юбке, облегавшей ее бедра, и приосанилась, выпрямилась и подобралась вся такая гибкая, кокетливая, женственная и вместе с тем по-девчоночьи угловатая, немножко смешная, словно демонстрируя прежде всего себе всю свою красоту и природное изящество. – Об этом всем

известно. Но знаешь, что он сам говорит? Вы, говорит, ничего о нас не знаете, так-то вот… У него своя теория. Но я понимаю, что с ним опасно.

– И давно ты с ним?

– Еще со школы, – она поморщилась. – Давай больше не будем о нем, а? Мне все надоело… и вы все надоели… и ты, и он… Но он считает, что я красивая и что мне нельзя носить дешевые вещи, поэтому он сам иногда покупает мне что-то… У него хороший вкус.

– Но, если у тебя есть он, тогда зачем же ты приходишь ко мне?

– Могу и не приходить, – неожиданно зло ответила она. – И больше не приду.

Она вскочила, набросила куртку, схватила сумку и направилась к выходу. Она знала, что он последует за ней, знала, а потому задержалась в коридорчике, разделявшем комнату от входной двери, дождалась, когда он схватит ее за руку.

– Пусти… Мне надо выйти… на свежий воздух… У тебя тут душно. И вообще все противно… И домой не хочется… Спрашиваешь, почему я хожу к тебе, – ты же здесь, рядом. Если бы ты не был в теплице, мы бы не встречались… Я сейчас приду домой, а там родители в отключке. Еды нет, денег нет… Они будут спать, а мне придется полночи убираться, мыть полы, чтобы окончательно не свихнуться и не уподобиться им… Я хочу жить одна, понимаешь, но у меня нет квартиры… Можно снять… Ты не поможешь мне?

Она оглянулась, и при свете лампы, освещавшей маленький коридор, он увидел ее глаза, широко раскрытые, с густо накрашенными ресницами. Она была похожа на ожившую куклу, что-то неживое было во всем ее облике.

– Как я могу тебе помочь? Вот пусть тебе твой Аш и покупает квартиру, раз у него так много денег. – Он снова сказал не то, что хотел, потому что мысленно он уже сделал все возможное, чтобы помочь ей, и даже успел увидеть довольный блеск в ее глазах.

– У него есть квартира, но там сейчас живут люди, которые приехали к нему из Москвы… Тоже фашисты. Они что-то планируют. Я не хочу принимать участие во всем этом… Там могут быть жертвы. Никакой он не фашист, а террорист… А потом мне с ним идти в тюрьму? У него крыша едет, а нам всем придется отвечать? Его-то отец выкупит, наймет адвокатов…

– Ты знаешь, что он планирует?

– Забудь… Все, мне пора. Я и так тебе уже много рассказала. Мне надо три тысячи.

– Зачем тебе так много?

– Да какой же ты бестолковый, мне нужна отдельная квартира. – Она потрясла перед его носом листком, он схватил его и успел лишь прочесть: «…все женщины умерли». – Ты не туда смотришь, на обратной стороне, там адрес… Всего три тысячи, это же немного, я не могу у него брать, я боюсь его… Значит, так, если не найдешь, мы с тобой больше не увидимся…

Она была безжалостна. Он смотрел, как ее фигурка удаляется от теплицы, как мелькает между огромными дубами.

– Стой! Подожди!

…Он смутно помнил, что случилось потом. Он не хотел верить в то, что все это вообще было. Ведь она ушла, сказала, что они больше не увидятся, и ушла, ушла, ушла… И все остальное – лишь его домыслы, он понял, что ей понадобились деньги, чтобы снять квартиру, чтобы хоть на месяц избавить себя от каждодневного домашнего кошмара, от пьяных родителей… Ничего ведь не было, ничего… И она не возвращалась. Она ушла, он же видел ее среди деревьев…

А на следующий день утром вся школа узнала о том, что Олю Неустроеву нашли в парке мертвой, с разбитой головой…

Глава 5

Женя Жукова позвонила. Сначала за дверью было тихо, тогда она позвонила еще раз, после чего послышались торопливые шаги.

– Кто там? – услышала она низкий женский голос.

– Я от Оли Неустроевой, – ответила Женя.

Дверь неожиданно быстро открылась, на пороге появилась полноватая женщина лет сорока пяти в джинсах и толстом свитере. На голове ее при свете электрической лампочки пламенели рыжие кудри.

– Ты от Оли? Неужели раздумала?

– В смысле…

– Она прислала тебя, чтобы сказать, что не нашла денег на то, чтобы снять квартиру? Или тебя вместо себя прислала? Она же мне задаток оставляла… Пятьсот рублей все-таки…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Научно-исследовательская лаборатория судебных экспертиз.

Купить: https://tellnovel.me/ru/danilova_anna/cvety-absolyutnogo-zla

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить